

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ СТАЛИНСКИХ НАРКОМОВ

ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ВНЕСЛИ БЕСЦЕННЫЙ ВКЛАД
В НАШУ ПОБЕДУ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

В

Все сталинские наркомы боялись навлечь на себя гнев вождя. Опасность попасть во «вредители» и «враги народа» они ощущали постоянно. Но война замедлила ход репрессивной машины. Воюющей стране всюду нужны были люди: на фронте — бойцы, в тылу — труженики, в отраслевых штабах — грамотные и умелые управленцы.

К последним относились наркомы с производственной родословной.

*1
Открытка «Военные изобретатели»,
1933 год.

Биография наркома

Михаил Георгиевич Первухин окончил электропромышленный факультет Московского института народного хозяйства, получил квалификацию инженера-электрика. Работал инженером, начальником цеха и директором Каширской ГЭС, далее — в Мосэнерго и Главэнерго. С 1938 года стал заместителем, а потом и первым заместителем наркома тяжелой промышленности СССР. В 1939-м после разделения Наркомтяжпрома на несколько наркоматов был назначен наркомом только что созданного Наркомата электростанций и электропромышленности СССР. На этом посту проработал до 1940 года, когда был выдвинут заместителем председателя Совнаркома СССР и одновременно руководителем Бюро СНК по топливу и электроэнергетике.

С началом войны круг его должностей и обязанностей расширился. 24 июня 1941 года

НЕОБХОДИМО ПОСТАВИТЬ ВАС ВО ГЛАВЕ ЭТОЙ ОТРАСЛИ, — СКАЗАЛ СТАЛИН. — ЧТО ЖЕ КАСАЕТСЯ НЕЛЮБВИ К ХИМИИ, ТО НАСТОЯЩИЙ БОЛЬШЕВИК СКОРО ИЗУЧИТ И ПОЛЮБИТ ПОРУЧЕННОЕ ЕМУ ДЕЛО

он был назначен заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, 2 августа того же года — уполномоченным Государственного Комитета Обороны по Управлению военно-химической защиты Красной Армии, а в феврале 1942-го утвержден наркомом химической промышленности СССР.

«Я хорошо помню ночь с 25 на 26 февраля 1942 года, — рассказывал Первухин в одном из интервью. — Поздно ночью, как тогда было принято, я продолжал работать в своем кабинете, в Кремле. Вдруг раздался телефонный звонок. Это был Александр Николаевич Поскребышев. Он сказал: «Позвоните товарищу Сталину». Я набрал нужный номер, поддоровался и в ответ услышал спокойный, хорошо знакомый голос вождя: «Политбюро ЦК решило назначить вас, товарищ Первухин, по совместительству наркомом химической промышленности».

Выслушав это неожиданное для него сообщение, Первухин ответил: «Как инженер-элек-

*2 Нарком химической промышленности Михаил Георгиевич Первухин (1904-1978).

*3 Нарком черной металлургии Иван Федорович Тевосян (1902-1958).

*4 Нарком нефтяной промышленности Николай Константинович Байбаков (1911-2008).

трик, товарищ Сталин, я слабо знаю химию и, откровенно говоря, не очень-то ее люблю». В ответ Сталин сказал: «Вы знаете, какое тяжелое положение сложилось в химической промышленности в связи с разрушением и эвакуацией большинства южных химических заводов. Необходимо поставить вас во главе этой отрасли, чтобы поскорее выправить создавшееся положение. Что же касается нелюбви к химии, то настоящий большевик-коммунист скоро изучит и полюбит порученное ему партией дело».

Первухину оставалось только поблагодарить Центральный Комитет за высокое доверие и обещать оправдать его.

Слово наркома

Производственником (а не политическим назначенцем) был и нарком нефтяной промышленности Николай Байбаков, сделав-

ший карьеру на промыслах юга страны и ни одного дня не отдавший партийной работе. И Байбаков, и Первухин в своих воспоминаниях, не стовариваясь, отмечают, что отраслевые наркоматы (другим органам управления оба мемуариста оценок не дают) в ту пору действовали четко и слаженно. Если в довоенное время один нарком отбивался от просьб другого (я, мол, тебе помочь не могу, у меня нет мощностей, обратись в другой наркомат), то в годы войны такого не случалось. Ставилась, например, задача: моему наркомату нужен такой-то металл, такой-то прокат — и каждый наркомат по-своему старался эту задачу решить.

Вот характерный эпизод конца войны. Для современных бомбардировщиков с ракетными двигателями нужна была жаропрочная сталь. Ее поручили выплавить подмосковному заводу «Электросталь». И у него понача-

*5

Начальник котельной
Каширской ГЭС Михаил
Георгиевич Первухин.
1933 год.

*6

М.Г. Первухин,
Ю.Б. Харитон,
И.В. Курчатова
и П.М. Зернов
на колхозном рынке.
1949 год.

возможностью на свой страх и риск, без согласования с верховной властью решать некоторые вопросы, причем не только оперативные. Им, например, предоставлялось право самостоятельно начать стройку. Или приступить к разработке нефтяного месторождения. Так, работы на перспективных площадях Западной Сибири были начаты без согласования с ГКО, по личному приказу Байбакова, в ту пору (1942 год) первого заместителя главы Нефтепрома.

«Права Совнаркома СССР официально не были расширены, но наркоматам было дано право принимать самостоятельные решения во исполнение тех общих директив, которые они получали сверху, — рассказывал Первухин. — Например, спускалось задание — организовать там-то производство танков в таком-то количестве, и Вячеслав Александрович Малышев как нарком танковой промышленности СССР сам решал, где это делать, как делать и т. п. Ему

ду не получалось, шел сплошной брак. Тогда Сталин вызвал наркома черной металлургии СССР И.Ф. Тевосяна: «Товарищ Тевосян, ваш завод с важным поручением не справляется, а вы, между прочим, специалист по спецсталим. Надо бы срочно поправить дело. Справитесь?» — «Поеду на завод, разберусь и вам доложу, товарищ Сталин». И действительно разобрался. Собрал на заводе нужных специалистов, опытных рабочих, посоветовался, проследил весь режим плавки, а потом чуть ли не круглые сутки не уходил с завода.

Через месяц доложил, что задание выпол-

Полномочия наркома

Еще одна примета военного времени: полномочия наркоматов расширились. Даже при том, что все важнейшие государственные функции перешли к ГКО, наркоматы располагали

такое право было дано. Как и другим наркоматам. Многие вопросы, связанные с размещением заводов, их обеспечением местным сырьем, топливом, и ряд других проблем решали республиканские наркоматы. Что же касается официального предоставления им расширенных прав — такого решения я не помню. Наркоматы и наркомы многие вопросы решали самостоятельно, не дожидаясь каких-то особых указаний и директив. Если это, конечно, не противоречило общей задаче».

Подвиг наркома

Алексей Иванович Шахурин был назначен наркомом авиационной промышленности в январе 1940 года, став в неполных 36 лет самым молодым членом правительства. До этого окончил Московский инженерно-экономический институт, работал электромонтером, фрезеровщиком, старшим инженером, затем

*7,8

Первая нефть Западной
Сибири.

начальником научно-исследовательского отдела Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. В 1925 году вступил в ВКП(б). Был парторгом ЦК ВКП(б) на авиационном заводе № 1, первым секретарем Ярославского, а затем Горьковского обкомов ВКП(б).

Вот как Шахурин вспоминал о своем назначении:

«В начале января 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О работе Наркомата авиационной промышленности». Оно одобрило выводы и предложения специально созданной комиссии ЦК во главе с А.А. Ждановым и Н.А. Вознесенским. Комиссия после детального ознакомления с состоянием дел в авиапромышленности и в ВВС отметила, что материальная часть советской авиации «в своем развитии отстает по скоростям, мощностям моторов, вооружению и прочности самолетов от авиации передовых армий других стран».

ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ — И НАРКОМ ШАХУРИН, ЧЬЯ ОТРАСЛЬ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВОЙНЫ ДАЛА 40 ТЫСЯЧ САМОЛЕТОВ, ОКАЗАЛСЯ НЕ НУЖЕН. ПО НАДУМАННОМУ ОБВИНЕНИЮ БЫЛ АРЕСТОВАН

На указанном заседании Политбюро ЦК решило обновить руководство Наркомата авиапромышленности. К моему большому удивлению, выбор пал тогда на меня.

В то время я работал первым секретарем Горьковского обкома партии. И вот вечером 9 января мне позвонил секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Поздоровавшись, он спросил, смогу ли я сегодня же выехать в Москву.

Я ответил утвердительно: ведь через два часа, т. е. в 23 часа, в столицу должен был по расписанию отправиться поезд. <...> Утром по приезде в Москву я сразу же к началу рабочего дня явился в ЦК, в приемную Маленкова. Его помощник сказал, чтобы я из здания никуда не отлучался. Пока можно было заняться какими-

⁹ Нарком авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин (1904–1975).

¹⁰ Нарком боеприпасов Борис Львович Ваников (1897–1962).

¹¹ Нарком путей сообщения Иван Владимирович Ковалев (1901–1993).

либо делами, побывать в отделах ЦК, если есть необходимость, но так, чтобы в нужное время меня можно было найти.

Какие тут дела, когда из головы не выходил и не давал покоя главный вопрос — зачем вызвали?

В раздумьях и догадках прошел почти весь день. Наконец, мне сообщили, что в 5 часов я должен быть в кабинете у И.В. Сталина.

Путь до Кремля был короток. Наш автомобиль въехал в ворота Спасеской башни, и вскоре мы с работником аппарата ЦК оказались возле нужного нам здания. Поднявшись на второй этаж, вошли в приемную. Здесь нас уже ожидали и сразу же провели в кабинет Сталина. Это была длинная комната, где находился

большой, покрытый синим сукном стол, а недалеко от него — письменный стол и столик с телефонными аппаратами.

В кабинете вождя, кроме него, находились В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Андреев, Н.А. Вознесенский, Л.П. Берия и ряд других руководителей партии и правительства. Все сидели, а Сталин ходил по комнате.

Поздоровавшись, он предложил сесть и какое-то время продолжал молча ходить. Потом остановился против меня и сказал:

— Товарищ Шахурин, мы хотим назначить вас наркомом авиационной промышленности. Там сейчас предстоит большая работа. Нужны свежие, грамотные люди, хорошие организаторы и к тому же хорошо знающие авиационное дело...»

Заняв пост наркома авиационной промышленности, Шахурин стал чуть ли не ежедневно бывать в главном кабинете Кремля. Нарком во-

«Государственный Комитет Обороны» постановляет:

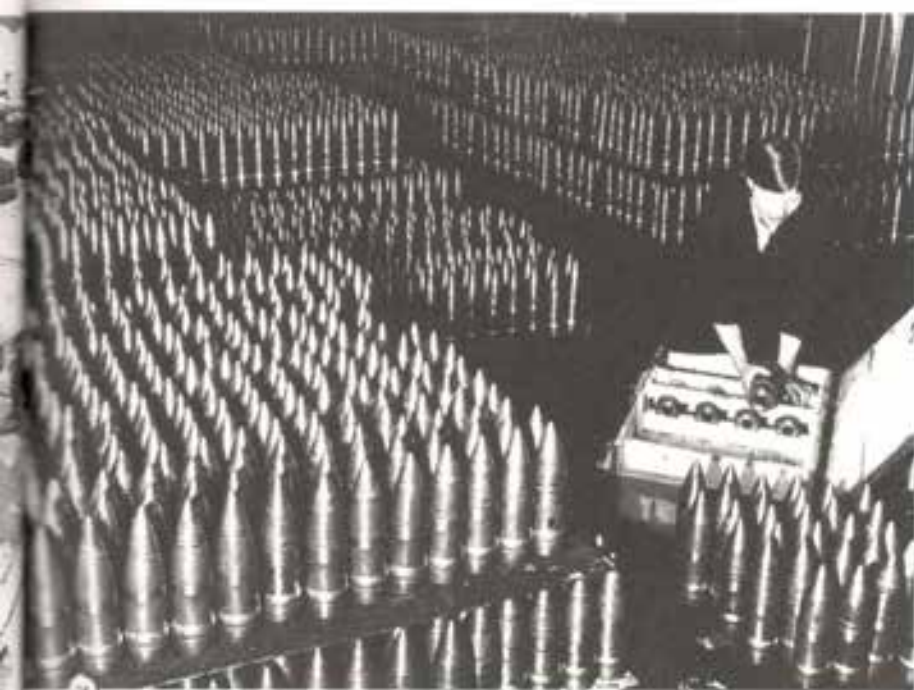
1. Обязать НКАП (т. Шахурин) обеспечить выпуск в ноябре 1941 г. на заводах наркомата: а) 1466 самолетов, в том числе: истребителей — 783 самолета, бомбардировщиков — 287 самолетов, штурмовиков — 140 самолетов, учебных — 287 самолетов; б) 2155 авиационных моторов...»

Председатель ГКО И. СТАЛИН».

Инициатива, решительность и находчивость нового наркома были высоко оценены: Шахурин и два его заместителя стали Героями Социалистического Труда.

Трагедия наркома

Большинство наркомов-производственников в годы войны имели некоторую неприкосновенность: не были фигурантами дел о «вре-

оружия (позднее — боеприпасов) СССР Б.Л. Ванников по этому поводу писал: «Руководивший тогда этой отраслью А.И. Шахурин бывал у него (Сталина, — Авт.) чаще всех других наркомов, можно сказать почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности».

Из постановления Государственного Комитета Обороны

от 2 ноября 1941 года

«О выпуске самолетов и авиационных моторов в ноябре 1941 г.»:

* 12—15

Всё для фронта!

дательстве», не попадали во «враги народа». Тем показательнее ПОСЛЕВОЕННАЯ судьба некоторых из них. Война кончилась — и нарком Шахурин, чья отрасль в последний полный военный год дала фронту более 40 тысяч самолетов, оказался больше не нужен. По надуманному обвинению за «злоупотребление и превышение власти при особо отягчающих обстоятельствах» Шахурин был арестован.

Как свидетельствуют материалы по делу бывшего начальника Главного управления контрразведки, а затем заместителя министра внутренних дел В.С. Абакумова, абакумовские сотрудники «в течение трех недель допрашивали Шахуриня непрерывно днем и ночью», а сам Абакумов заявлял обвиняемому: «...признается

он или не признается в тяжчайших преступлениях, все равно он, Абакумов, его расстреляет».

Нарком стойко перенес мучения, никого не оговорил, не потянул за собой. В мае 1946 года Военная коллегия Верховного Суда приговорила Шахурину к 7 годам тюремного заключения. Одновременно по тому же делу были осуждены главком ВВС Главный маршал авиации А.А. Новиков и еще несколько высших руководителей Военно-Воздушных Сил и отделов ЦК ВКП(б).

На свободу Шахурин вышел в 1953 году больным человеком (в одиночке следственной тюрьмы, лишенный даже прогулок, он перенес тяжелый инфаркт.) Тем не менее сразу вернулся к работе, получив назначение на должность первого заместителя министра авиационной промышленности. Проработал на ней недолго, вскоре перейдя в Государственный комитет Совета Министров СССР по внешним экономическим связям на должность заместителя председателя. Занимался вопросами сотрудничества стран СЭВ в области оборонной промышленности. Подорванное в заключении здоровье заставило его в 1959 году уйти на пенсию.

«Ошибки» наркома

Не избежал послевоенной расправы (хотя и не столь свирепой) и еще один руководитель отрасли — Иван Владимирович Ковалев. До войны он был заместителем начальника Южно-Уральской железной дороги, а затем начальником Западной железной дороги. Потом последовательно занимал должности начальника Военного отдела НКПС, начальника Управления дорог Северо-Западного направления НКПС.

«И вот в самом начале 1939 года мне вдруг предложили перейти на работу в Наркомат путей сообщения СССР — вспоминал Ковалев. — Я попросил оставить меня в прежней должности, поскольку только-только вошел в курс дел

такого сложного и интересного хозяйственного организма, как Западная железная дорога. Нарком путей сообщения Каганович вроде бы выслушал мои доводы. Однако в апреле того же года он позвонил из Москвы и спросил, кто мог бы меня заменить, если мне придется отлучиться на некоторое время. Я назвал моего заместителя Виктора Антоновича Гарныка.

— Я его знаю, — сказал Каганович. — Он был начальником депо в Туле. Толковый товарищ. Приезжайте вместе в Москву.

Мы прибыли, и нарком без лишних слов вручил каждому из нас копии решения Политбюро ЦК ВКП(б) о наших новых назначениях. Меня назначили членом Коллегии и начальником Военного отдела НКПС, а Гарныка — начальником Западной железной дороги».

На Военный отдел наркомата возлагалась подготовка железнодорожного транспорта к возможной войне. Отдел работал в тесном контакте с сотрудниками Генерального штаба — начальником Управления военных сообщений генералом Трубецким, толковым специалистом из старых военных, и начальником Оперативного отдела полковником Василевским. Последний, будущий маршал Советского Союза, отвечал в Генштабе за разработку Западного театра военных действий и за развертывание войск на этом театре. Работать с ним, вспоминал Ковалев, было легко, «человек он был скромный, интеллигентный, даже несколько застенчивый; обладал большим багажом знаний, но не давил ими на собеседника».

В мае 1941 года постановлением СНК СССР Ковалев был назначен заместителем наркома госконтроля СССР по железнодорожному транспорту. С началом войны был переведен в РККА и в июле 1941-го стал начальником Управления военных сообщений Красной Армии. С 1943 года он становится первым заместителем начальника, а в 1944-м — начальником Центрального управления военных сообщений.

* 16
Мост, восстановленный военными железнодорожниками за восемь суток. Калининский фронт. 1943 год.

Служивцы Ковалев отмечали впоследствии его непреклонность во всем, что касалось дела. Когда в 1942 году, в тяжелые месяцы отступления, в Государственном Комитете Оборона стали раздумывать о расформировании железнодорожных войск и переводе их в стрелковые части, Ковалев назвал эту идею недальновидной. Если через какое-то время, сказал он, советские войска перейдут в наступление, то некому будет восстанавливать железные дороги, а без них наступательные операции невозможны. К его мнению прислушались.

20 декабря 1944 года Ковалев сменил Кагановича на посту наркома путей сообщения СССР.

«На этот раз, — вспоминал Ковалев, — Сталин не спрашивал, хочу ли я того или не хочу. Вызвал и сказал примерно следующее:

— Пойдете в наркомат. Войну кончаем, а дела на транспорте у Кагановича снова плохие. Надо восстановить и поднять транспорт, чтобы на его основе поднять народное хозяйство».

Новый глава НКПС получал сводки по итогам дня, включая сведения о задержках тех или иных транспортов, причинах задержек, принятых мерах, и ежедневно (обычно это происходило около двух часов ночи) докладывал Сталину о продвижении воинских эшелонов и о состоянии железнодорожной сети. Причем докладывал только по памяти, она, говорят, у него была феноменальная.

А потом пришла Победа. После нее Ковалев еще некоторое время, как бы по инерции, оставался главным советским железнодорожником. Но срок действия «охранной грамоты», выданной ему военным временем, уже истек. В апреле 1948 года Ковалев был обвинен в «ошибках при расходовании государственных средств, а также в деле подбора кадров», освобожден с поста наркома и направлен в Китай в качестве уполномоченного Совета Министров СССР и советника по проблемам транспорта при правительстве Народного Китая.

Охранная грамота наркома

Бывали случаи, когда во время войны нарком попадал под каток репрессивной машины, но проходил месяц-другой, и арестованный выходил на свободу — настолько он был нужен. Так произошло, например, с главой наркомата вооружения СССР Борисом Львовичем Ванниковым, которого спас случай. На каком-то совещании Сталину потребовалась оперативная информация по боеприпасам. Он тут же вызвал своего секретаря Поскребышева, приказал соединить по телефону с Ванниковым, который как нарком вооружения мог бы что-то прояснить, но... тот куда-то запропастился. Прошло минут десять. Небывалая вещь: зво-

БЕСЦЕННЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОПЫТ СЛУЖИЛ НАРКОМАМ ОХРАННОЙ ГРАМОТОЙ. НЕЗАМЕНИМЫЕ ЕСТЬ. ЖАЛЬ, ЧТО ПОРОЙ ЭТО ОЧЕВИДНО ТОЛЬКО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

нит Сталин, а нарком не на связи. Наконец, Поскребышев доложил: «Ванников на проводе». Сталин стал говорить с Ванниковым. Рассматривал таблицу выпуска боеприпасов, что-то спрашивал, что-то просил уточнить. Присутствующие в кабинете члены ГКО видели, что ответы наркома не удовлетворяли Сталина. Он сказал:

- Товарищ Ванников, возьмите таблицу.
- Таблицы у меня нет, — ответил Ванников.
- Я, товарищ Сталин, нахожусь на Лубянке.
- Что вы там делаете?
- Сижу во внутренней тюрьме.
- Вам нечего там делать. Сейчас же поезжайте в наркомат...

Война давала им отерочку от ГУЛАГа. Нефть, уголь, металл, танки, самолеты, электроэнергия воюющей стране нужны были больше, чем сфабрикованные дела против руководителей отраслей, работающих на нужды фронта. Сталин понимал, что руководить нефтепромом — не то же самое, что командовать Главным управлением кинематографии. Это не комедию «Волга-Волга» разрешать к прокату, а давать стране нефть. Бесценный производственный опыт служил отраслевым наркомам в военные годы охранной грамотой. Ни Л.П. Берия, ни сменивший его В.Н. Меркулов, ни наследник Меркулова В.С. Абакумов не решились замахнуться на «отраслевиков». Сталин бы этого не одобрил. «Других нефтяников (металлургов, танкостроителей) у меня для вас нет».

Незаменимые есть. Жаль, что порой это очевидно только во время войны...

*17
Руководители
промышленных
и оборонных
наркоматов
(слева направо):
Д.Ф. Устинов
(вооружение),
Б.Л. Ванников
(боеприпасы),
А.И. Ефремов
(станкостроение)
и В.А. Малышев
(танковая
промышленность).